

«ТРЕТЬЯ ПАРАДИГМА» И РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

А.В. Епимахов

Работа рассматривает проблемы современного этапа развития археологической теории и место российской археологии в этом процессе. Проведено сопоставление показателей публикационной активности ведущих отечественных журналов в части масштаба и характера статей. Расширение практики мультидисциплинарных исследований должно дать толчок к изменению парадигмы российской археологии, которая в значительной степени интегрирована в международное сообщество.

Ключевые слова: археологическая теория, междисциплинарные исследования, наукометрия.

Уяснение места археологии в кругу иных дисциплин равно и ее статуса не часто становятся поводом для публикаций в России [2 и др.]. Зарубежная историография куда более обширна и разнообразна. По сути, теоретические баталии процессуальной и постпроцессуальной археологии не коснулись отечественной науки. Впрочем, следует признать, что и западные авторы в последние годы не слишком активно дискутируют на теоретические темы. Среди немногих исключений можно упомянуть серии работ Джона Бинтлифа, Марка Пирса [3] и Кристиана Кристиансена [4, 5 и др.]. Последний много ранее выявил тенденцию в развитии археологической мысли [4]. Изменения, согласно его гипотезе, носят циклический характер в части массового использования генерализующих и индивидуализирующих концепций («рационализм vs романтизм»). В конечном итоге те и другие опираются на принципиально разные основания: первые ориентированы на методы естественных наук, вторые – на исторические объяснения. Если изложить это в иных терминах, то противопоставление касается эволюционных и диффузионных сценариев [5, с. 25].

Сегодняшнее состояние развитие теоретической мысли часто определяется как кризис или, даже, смерть археологической теории. Вполне очевидно, что мрачные оценки и прогнозы имеют под собой некоторые объективные основания. Постпроцессуальная критика предшественников при всей ее внешней привлекательности так и не стала началом принципиально новой стройной концепции и, вероятно, не могла стать таковой. Что касается российской археологии, то она в постсоветский период вынужденно наверстывала упущенное, усваивая международный опыт [1], включая

наиболее скептические взгляды на возможности реконструкции объективной картины прошлой действительности [см. например, 9]. Вместе с тем, кризисы идей уже имели место в археологии и, как правило, предшествовали изменению парадигмы. По мнению К. Кристиансена, мы сейчас стоим на пороге перехода к «третьей парадигме», который в значительной степени стимулирован «извне» внедрением принципиально новых методов естественных наук и информационных технологий [7].

Обратимся к оценке отечественной археологии в этом плане. В практике интерпретации археологических материалов часто приходится сталкиваться с примерами длительного противостояния (а иногда и «мирного» сосуществования) диаметрально противоположных идей в статусе конкурирующих гипотез. При этом, зачастую основания для выводов и логика их построения не обосновываются. Не в последнюю очередь такое положение обусловлено особенностями отечественной практики научных публикаций, которая не предусматривает в качестве *обязательного* элемента структуры изложение методологии исследования. Таким образом, обращение к теоретическим вопросам не является частью повседневной деятельности, хотя следует признать, что ряд русскоязычных журналов ввел требование придания статьям четкой структуры.

В качестве способа оценки современного состояния теоретических исследований в российской археологии был избран анализ библиометрических показателей ведущих журналов: «Российская археология» и «Археология, этнография и антропология Евразии». Для последнего учитывались только публикации по археологии. Источником данных по количеству и тематике статей 2012–2014 гг. стал Интернет-ресурс www.elibrary.ru. При группировке учитывались следующие признаки: масштаб (локальный, региональный/международный), моно-/мультидисциплинарность исследования. В качестве самостоятельной категории рассматривались теоретические работы (без учета публикаций, включающих теоретические элементы). Приведенные далее выводы носят предварительный характер, однако, могут быть использованы для сопоставлений с иностранными журналами разного уровня [6, с. 75]. В нашем случае мы отказались от позиции «международные», т.к. территориальные масштабы (а в цитируемой работе использованы европейские издания) несопоставимы.

В первую очередь, надо отметить, что для изученного временного промежутка не наблюдается серьезной динамики для каждого из изданий (рис. 1 и 2). В этой связи выводы о современном состоянии можно считать достоверными, для уяснения же направления развития требуется существенное расширение базы данных. Бросается в глаза единичность теоретических публикаций, составляющих несколько процентов от общего списка. Объединенные за три года данные позволяют сопоставить специфику журналов (рис. 3). Наиболее наглядно фиксируется разница в территориальном

охвате конкретных работ при общем преобладании локального уровня исследования. Эта картина существенно отличается от таких ведущих мировых журналов как «Antiquity», где доля теоретических работ составляет около 1/10 всех публикаций, а международные проекты – половину от общего числа. Более близкие значения интересующих нас показателей обнаруживаются при сравнении с национальными журналами международного характера.

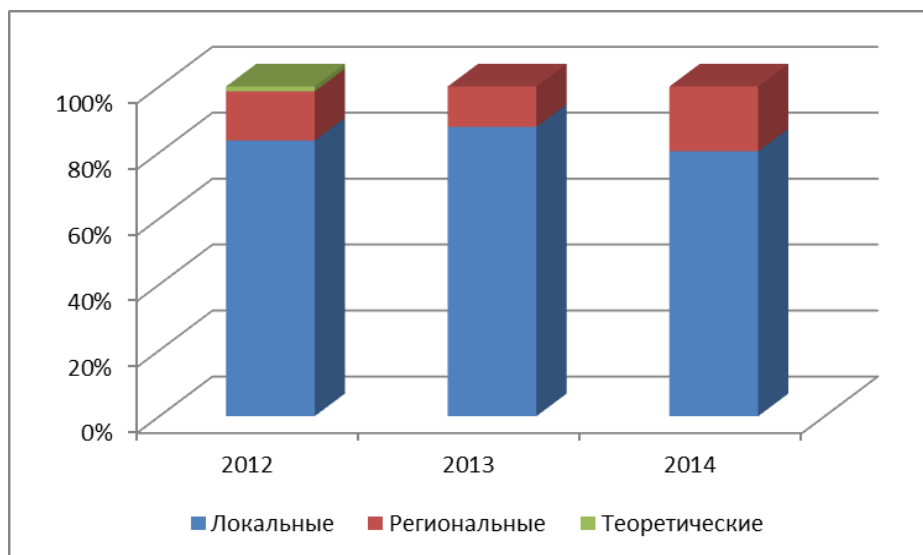

Рис. 1. Публикационная активность журнала «Российская археология» (2012–2014 гг.)

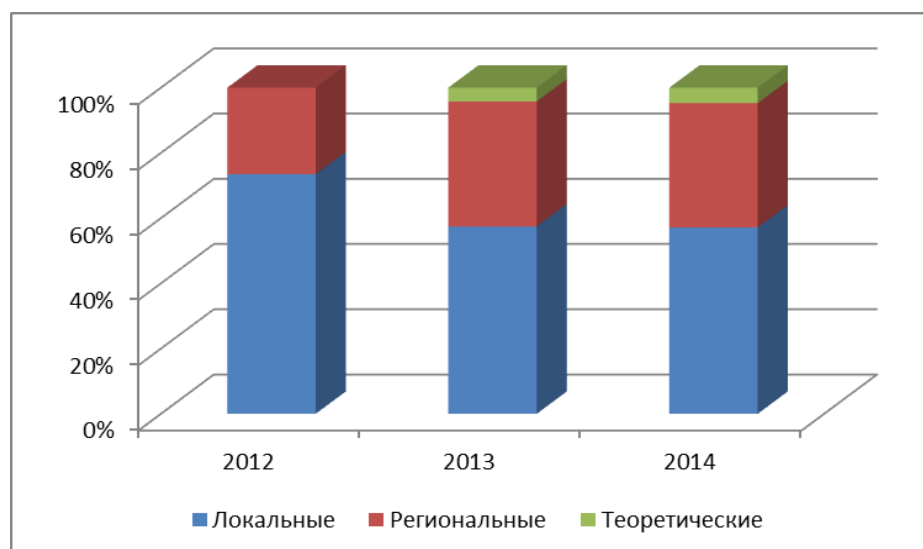

Рис. 2. Публикационная активность журнала «Археология, этнография и антропология Евразии» (2012–2014 гг.)

Столь значительная доля исследований локального уровня требует комментария. Информационный бум в полной мере коснулся археологии, и речь не только в части накопления результатов раскопок, но и резкого

расширения информационных возможностей археологического источника. Однако наряду с этим действует и другой фактор. Широкое внедрение наукометрических показателей имеет следствием стремление исследователей максимально увеличить число публикаций. «Валовый» принцип оценки результативности труда ученых неизбежно сузил и масштаб обобщений. Видимо, требуются более тонкие оценочные инструменты, в противном случае велик риск сильного сужения исследовательских горизонтов.

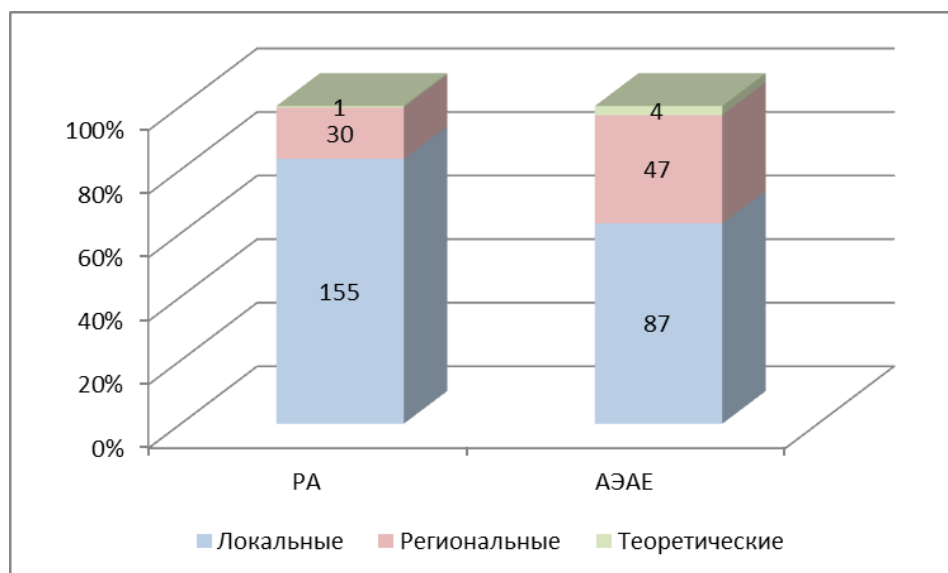

Рис. 3. Сравнение публикационной активности журналов «Российская археология» (РА) и «Археология, этнография и антропология Евразии» (АЭАЕ) (2012–2014 гг.)

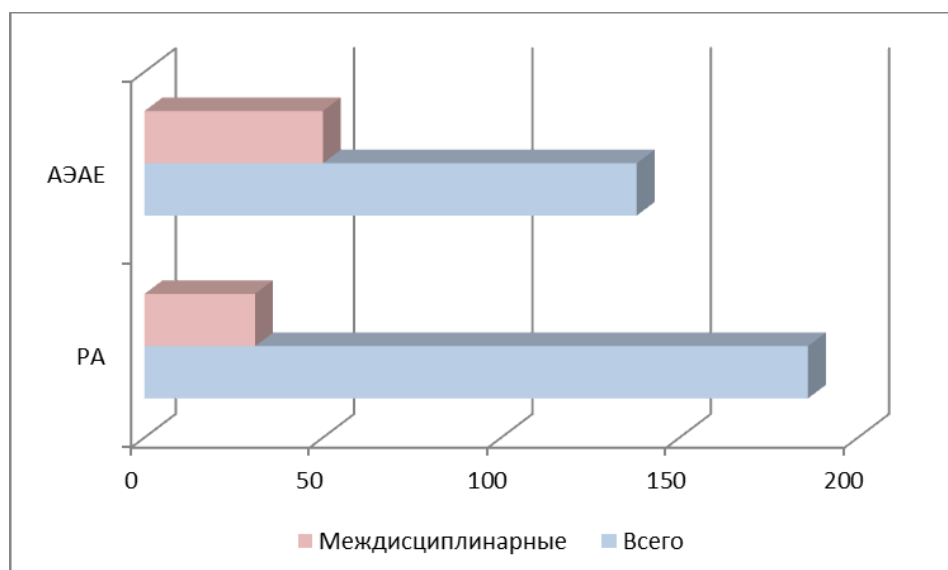

Рис. 4. Сравнение публикационной активности журналов «Российская археология» (РА) и «Археология, этнография и антропология Евразии» (АЭАЕ) (2012–2014 гг.)

Для темы настоящей работы имеется еще один критически важный аспект – доля мультидисциплинарных исследований. Как уже отмечено, стимулы к решительному изменению подходов обычно приходят в археологию извне, например, из социальных наук [8, с. 490], однако, революционизирующее воздействие имеют и результаты естественнонаучных исследований, не только создающих новый уровень надежности в аргументации ранее выдвинутых идей, но и порождающих эти идеи. С этой точки зрения, российская археология имеет обширную историографическую традицию, что отчетливо заметно и по публикациям (рис. 4). Это обстоятельство наряду с широкой интеграцией нашей науки в международные проекты позволяет смотреть в будущее с осторожным оптимизмом, конечно, при условии развития собственной базы для исследований такого рода.

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (госзадание № 33.2644.2014К).

Библиографический список

1. Епимахов, А.В. О некоторых аспектах современного этапа развития археологической методологии / А.В. Епимахов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2004. – Вып. 3 (6). – С. 35–39.
2. Клейн, Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология / Л.С. Клейн. – СПб.: Бельведер, 2004. – 472 с.
3. Bintliff, J. & Pearce, M. (eds.). *The Death of Archaeological Theory?* – Oxford: Oxbow, 2011. – 96 p.
4. Kristiansen, K. *Old Boundaries and New Frontiers. Reflections on the Identity of Archaeology* / K. Kristiansen // *Current Swedish Archaeology*. – 1996. – № 4. – Pp. 103–122.
5. Kristiansen, K. *The discipline of archaeology* / K. Kristiansen // *The Oxford Handbook of Archaeology* (edited by B. Cunliffe, C. Gosden & R. Joyce. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – Pp. 3–46.
6. Kristiansen, K. *Theory does not die it changes direction archaeology* / K. Kristiansen // *The Death of Archaeological Theory?* / J. Bintliff & M. Pearce (eds.). – Oxford: Oxbow, 2011. – Pp. 72–79.
7. Kristiansen, K. *Towards a new paradigm? The Third Science Revolution and its Possible Consequences in Archaeology* / K. Kristiansen // *Current Swedish Archaeology*. – 2014. – Vol. 22. – Pp. 11–34.
8. Price, T.D. *The Archaeology of the Future* / T.D. Price, G.M. Feinman // *Archaeology at the Millennium / A Sourcebook* / G.M. Feinman & T.D. Price (eds.). – NY: Springer, 2007. – Pp. 475–495.
9. Shanks, M. *Social Theory and Archaeology* / M. Shanks, C. Tilley. – Cambridge: Polity Press, 1996. – 264 p.

[К содержанию](#)